

You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: О возможности выделения перцептивного текста

Author: Jolanta Lubocha-Kruglik

Citation style: Lubocha-Kruglik Jolanta. (2020). О возможности выделения перцептивного текста. "Linguistica Silesiana" nr 41 (2020), s. 55-65.
DOI: 10.24425/linsi.2020.133264

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIwersytet ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

JOLANTA LUBOCHA-KRUGLIK

Силезский университет

jolanta.lubocha-kruglik@us.edu.pl

О ВОЗМОЖНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ПЕРЕЦЕПТИВНОГО ТЕКСТА

ON THE POSSIBILITY OF DISTINGUISHING THE PERCEPTUAL TEXT

The perceptual text is the one described by means of sense organs and having specific cohesion tools which include among others lexis belonging to the perception modus, so called introductory predicates indicating specific perception acts, synesthetic expressions, the observer as well as spatial and locative syntactems. Text architectonics is determined by the change of the speaker's position (observer, perceiver), his transition within the text time and space.

Keywords: *perceptiveness, perceptual text, perception modus, evocative register*

1. Введение

Вопрос о возможности выделения перцептивного типа текста появился как один из существенных выводов при описании нами семантической категории перцептивности и ее показателей в русском и польском языках (Lubocha-Kruglik 2010). Данная категория является комплексной и проявляется на разных уровнях текста. В концепции авторов *Коммуникативной грамматики русского языка* (Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 296) она рассматривается как элемент репродуктивного (изобразительного) регистра, главным признаком которого является перцептивный модус с героем или повествователем в роли субъекта. Для изобразительного регистра характерна конкретность семантики предикатов и локализаторов,

детализация описания, насыщенность пространства наблюдаемыми признаками предметов и явлений, а также антропоморфическая трактовка наблюдения. *В репродуктивном (изобразительном регистре) говорящий воспроизводит непосредственно сенсорно наблюдаемое, в конкретной длительности или в воображении – в хронотопе происходящего* (Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 29).

Авторами *Коммуникативной грамматики* употребляется также термин *перцептивизация*, который служит для обозначения усиления, акцентирования, обогащения изобразительного плана путем замены *общеперцептивного выражения на частноперцептивное или совмещение частноперцептивного с другими способами выражения* (Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 425).

Александр Бондарко замечает, что понятие перцептивности отражает взаимосвязи времени, пространства и точки зрения наблюдателя, хотя *не всегда выступает в ситуации непосредственного наблюдения* (Бондарко 2001: 133). Именно с такой ситуацией имеем дело в литературных текстах, из которых почерпнут нами материал для анализа. В художественных текстах *представлена условная наблюдаемость процессов с позиции автора* (Бондарко 2001: 133). Применительно к ним А. Бондарко предлагает термин *литературная перцептивность* (Бондарко 2002: 277).

2. Языковая актуализация перцептивных процессов

Языковая актуализация перцептивных процессов во многом отличается от процессов, происходящих во внеязыковой действительности, в которой перцептор получает информацию по многим каналам восприятия одновременно. Это процесс не зависит от его воли, в связи с чем не существует возможности сосредоточиться на сознательно выбранном канале. В результате этого, выделение одной только перцептивной ситуации (зрительного восприятия, осязательного, слухового и т.д.) может быть лишь условным – конкретный акт восприятия никогда не является изолированным. Это находит отражение также на уровне текста, в котором один перцептивный акт сопровождается другими. Данный факт дает основания для того, чтобы выделять не только перцептивные предложения как особый тип предложений, описывающий вид интеллектуальной деятельности, но также говорить о возможности выделения особого вида текста – перцептивного, или, по крайней мере, текста с перцептивной доминантой.

3. Признаки перцептивного текста

Перцептивным текстом предлагаем определять такой тип текста, в котором действительность описывается с помощью органов чувственного восприятия и который обладает определенными механизмами связности. К этим механизмам можно причислить, среди прочего, определенную лексику, принадлежащую к перцептивному модусу; так называемые вводные предикаты, которые «анонсируют» отдельные перцептивные акты (описывающие восприятие в общем плане или отсылающие к отдельным чувствам); определенные классы имен прилагательных – положения в пространстве, цветообозначения (*белеть, краснеть*) и др. Помимо прочего, перцептивность текста определяют синестетические выражения, фигура наблюдателя, а также пространственные и локативные синтаксемы. В пределах текстов данного типа можно проводить типологию предложений с семантикой восприятия с учетом разных критериев, в частности: по каналу восприятия (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание); по степени активности/пассивности субъекта; по принципу описания ситуации (конкретные и переносные значения) или, например, по типу предиката.

Примеры перцептивных текстов в художественной литературе многочисленны. Существуют перцептивные тексты, в которых преобладает восприятие, представленное одним доминирующим органом. Есть и такие, в которых восприятие имеет полимодальный характер, благодаря чему объект воспринимается по многим каналам одновременно. Именно такие тексты будут нас интересовать в настоящей статье.

4. Анализ перцептивных текстов

В качестве материала для анализа нами были выбраны фрагменты произведений Анджея Стасюка и Ивана Тургенева.

Роман *Девять* Стасюка насыщен детальными описаниями зрительных, вкусовых, тактильных, слуховых и обонятельных ощущений. Они являются настолько суггестивными, что иногда кажется, что почти слышен шум крови в артериях бегущего Павла – главного героя романа – мелкого предпринимателя, который когда-то занял деньги на развитие собственного бизнеса, а теперь не в состоянии их вернуть. Перцептивное пространство текста открывается перед нами с его позиции. Первое выделенное им пространство – закрытое, ограниченное, с осколками разбитого зеркала – это пределы квартиры. Перспектива, с которой она показана, постоянно меняется в зависимости от наблюдательного пункта героя, т.е. от комплекса

его перцептивных возможностей. Сначала мы видим его глазами только ванную:

Там горел свет, зеркало было разбито. Сброшенные с полки тюбики, щетки и флаконы валялись на полу. Раздавленный тюбик выстрелил пастой, и она осталась висеть на салатовой стене белой змейкой (...) (Стасюк 2005: 5).

Затем переходим в спальню, где перед нами открывается следующая картина:

Из распоротой обивки дивана торчало что-то белое. Он погладил прореху ладонью и направился к выброшенной из шкафа одежде. Ища в полумраке, во что переодеться, понюхал несколько вещей (Стасюк 2005: 6).

Потом, вместе с героем, передвигаемся ближе к окну, откуда можно наблюдать уже внешний мир – просторный, многомерный, не ограниченный стенами:

Павел смотрел в окно, отхлебывая кофе. Снег лежал на крышах домов, на тротуаре, черные деревья стали белыми, все напоминало какой-то рождественский праздник в далеком детстве. Красный автобус осторожно пошел на поворот. Тихо и сонно вырулил и поехал по прямой, постепенно исчезая в перспективе липовой аллеи. Кроны деревьев расплывались в низком небе. Павел стал вслушиваться, не стучит ли капель по водостокам. Тихо (Стасюк 2005: 6).

Восприятие детерминируется здесь не только зрительным, но и слуховым актом. Зрительная перцепция представлена предикатом *смотрел* и перцептивными прилагательными. Они характеризуют не только цвет (*черные деревья, которые стали белыми и красный автобус*), но также пространственность (*низкое небо*). Слуховая перцепция выражена предикатом *стал вслушиваться* и наречием *тихо*. Звуковые наречия и прилагательные (*тихий – тихо, громкий – громко* и т.д.) могут представлять звук по всем свойственным ему качествам (напр. по громкости, высоте). Остальные присущие звуку параметры проявляются через другие модусы перцепции (осозание, зрение), что порождает огромный список характерологических метафорических номинаций звука, дающих подробную информацию о перцептивном пространстве. Перцептор не только постоянно меняет свой наблюдательный пункт, но и часто возвращается туда, где уже был, обогащая свое описание новой информацией, апеллирующей к разным органам чувств. Все это придает тексту своеобразный перцептивный объем.

Существенными показателями перцептивного пространства являются также именные пространственные синтаксемы¹ – локативы, директивы и транзитивы², которые выступают, как правило, в сочетании с перцептивными предикатами или предикатами перемещения в пространстве. Это конструкции типа *вернулся в комнату, вернулся на кухню, перешел в комнату, прошел мимо старомодного особняка* и т.д. Таких пространственных ориентиров находим в тексте намного больше (*в ванной, на стене, в углу, под кран, под ванной, на дне, около кровати, на кухне, посередине комнаты* и т.д.). Ими являются также многочисленные пространственные наречия и предлоги типа: *вдали, перед, вблизи, под*, которые задают дистанционные характеристики объекта относительно воспринимающего субъекта. Сфера их действия ограничивается, как упоминалось, его перцептивными возможностями. То, что находится *поблизости, справа, неподалеку, под ванной*, подчеркивает функциональную доступность объекта восприятия, *вдали* – может обозначать предел визуальной перцепции, но других ее видов – уже не обязательно.

В большинстве текстов доминирующим является зрительный акт. Именно он содержит больше всего черт и признаков, дающих возможность воспринимать из одного наблюдательного пункта. Однако, его следует считать лишь исходной точкой для включения активности остальных органов чувств и «ввода в действие» других ментальных операций.

Ситуация зрительного восприятия охватывает огромную сферу физических явлений, таких как: цвет, размер, форма, количество, расстояние, перспектива и положение наблюдателя. К этому можно добавить состояние среды, через которую воспринимается предмет (туман, дождь, темнота, шум, гром и т.д.), возможные преграды, а также саму идентификацию, которая зависит часто от предыдущего опыта.

Он стоял у окна и смотрел на коричневое здание управления железной дороги. Здесь от снега не осталось ни следа. Мостовая и тротуар мокрые. Колеса автомобилей с шипением катились по асфальту. [...] Он перевел взгляд на церковь. Черные баллоны, оплетенные сеткой из ветвей без листьев (Стасюк 2005:12).

¹ Понятие *синтаксема* используется здесь по Г.А. Золотовой. В концепции этой лингвистики оно обозначает элементарную (минимальную) единицу синтаксического уровня языка, характеризующую морфологическим оформлением, категориально-семантическим значением и определенным набором синтаксических функций (Золотова 1988: 4).

² Локативы в терминологии Г. А. Золотовой это компоненты со значением *местонахождения*; директивы – компоненты, выражающие направление движения, ориентированного действия или положения предмета; транзитивы же – компоненты со значением *пути движения* (Золотова 1988: 432).

Зрительная перцепция вербализуется разнородными лексемами, в которых объединяются сенсорные и ментальные значения. В приведенном выше фрагменте она представлена предикатом *смотреть* и выражением *перевести взгляд*. Чаще всего, однако, данный тип восприятия выражен с помощью предиката *видеть*. Он имеет не только значение *реагировать на зрительные стимулы, наблюдать*, но также, как замечает Н.Д. Арутюнова (Арутюнова 1987: 10), *в сочетании с предметным объектом включает в свое значение эпистемический компонент, поскольку предлагает в субъекте способность идентифицировать воспринимаемое*. Зрительное восприятие сопровождается здесь слуховыми ощущениями (*шипение колес автомобиля*).

Во многих фрагментах текста перцептивная зона дает возможность показать многообразие чувственного восприятия, что подтверждает возможность выделить данные типы текстов в отдельную группу.

Он отошел от окна. Заскрипел паркет под серым ковром. Павел направился на кухню. Здесь пол был сделан из широких досок и покрыт лаком. На столе остатки завтрака: две рюмки для яиц, две керамические тарелки и корзинка с чёрным хлебом. Одно яйцо почти не тронуто... Желток просвечивает сквозь белок, как глаз из-под бельма. К краю тарелки с недоеденными кукурузными хлопьями прилип один кусочек. Павел дотронулся до него. Он был размокий и холодный. Подцепил пальцем и лизнул. Без сахара. Попробовал молоко в другой тарелке. Сладкое, как сироп. Вернулся в прихожую. Толкнул желтую крашеную дверь, но тут же затворил ее. Вернулся в кухню, открыл шкафчик из темного дерева. Там стояли две стопки тарелок – мелкие и глубокие отдельно, остальное место занимали кофейник и супница, покрытые пылью. Еще там было три разнокалиберных чашки. Пахло влажным деревом и едой. В шкафчиках, куда редко заглядывают, всегда чувствуется застоявшийся запах несвежего хлеба. Павел закрыл дверцы и посмотрел в окно, но там все было по-прежнему. Дом напротив поблескивал мертвыми окнами (Стасюк 2005: 14).

В данном фрагменте читатель имеет возможность ознакомиться с комплексным механизмом восприятия – он получает информацию о чувственных качествах: форме (*мелкие и глубокие тарелки*), движении (*направился на кухню, вернулся в прихожую*), жестах, цветовых (*шкафчик из темного дерева*), осязательных (*толкнул дверь, дотронулся до хлопьев*), обонятельных (*пахло деревом и едой, запах несвежего хлеба*) и вкусовых признаков (*молоко, сладкое как сироп*, т.е. слишком сладкое). Все это подчеркивает связь перцептивного пространства с аксиологическим и выражается в оценке воспринимающего мира. Эта оценка видна, напр., в семантике перцептивных прилагательных (*размокий, холодный, сладкий*), которые отсылают к разным органам чувств. То же самое наблюдаем

и в следующем фрагменте, в котором отдельные органы чувств взаимодействуют, пополняя имеющуюся информацию:

Она поставила перед ним коричневую чашку с зеленым ободком. Он почувствовал запах духов и тепло, исходившее от ее тела, и вдруг понял, что в квартире холодно. Когда она нагнулась, он покосился на её грудь. Это оттуда шел запах. Частички тела выскальзывали из-под платья (Стасюк 2005: 20).

Перцептивное пространство может также охватывать мир воспоминаний и воображений, который не имеет в принципе ни временных, ни пространственных пределов. Чувственные ощущения также в его пределах очень суггестивны и вполне сравнимы с теми, которые проявляются в мире реального наблюдения:

Дело прошлое, но река всегда оживляла это воспоминание: цвет и сладость клубничного джема, тихий хруст тех странных то ли косточек, то ли зернышек, похожих на запятые или поры на коже ягоды. И еще холод и полумрак длинных коридоров, где движутся молчаливые женщины в коконах одиночества, более недоступные чем королевы в стародавние времена, и в тысячу раз более телесные. Он воображал, как их пальцы касаются баночек и пытался представить запах их кожи, которая должна быть гладкой и белой под серо-бурой тюремной робой, нежной как у растений, которые растут в темноте. Но это было давно, он все помнил, но уже ничего не чувствовал. Вдали виднелось черное горло Роздрожжа (Стасюк 2005: 33).

В приведенном выше фрагменте мир воспоминаний и воображений активизирует почти всечувственные ощущения – зрительные (*цвет джема, полумрак коридоров, серо-бурая роба, черное горло Роздрожжа; белая кожа женщин*), вкусовые (*сладость клубничного джема*), осязательные (*телесность женщин; пальцы, которые касаются баночек*), слуховые (*хруст косточек*) и кинестетические (*движущиеся женщины*), обонятельные (*запах кожи*). Видимость зрительного восприятия создает здесь предикат *вообразать*, выражающий ментальное действие. Образ пространства, который появляется здесь как результат активности всех органов чувств, исключительно убедителен и многомерен.

Авторы *Коммуникативной грамматики русского языка* обращают внимание на особую позицию наблюдателя, которая позволяет ему свободно перемещаться вдоль темпоральных линий. Его позиция может меняться, так как наблюдательный пункт является подвижным и многоплановым. Изменение позиции вызывает впечатление кинетизации. Наблюдатель становится таким образом точкой отсчета всех дейктических параметров.

В некоторых случаях передвижение наблюдателя оказывается мнимым. Иллюзию передвижения создает последовательность отдельных кадров, которые представлены по отношению к наблюдателю, находящемуся в комнате. Объектив осмотра переходит поочередно с предметов, расположенных с его левой стороны, к предметам направо, а затем охватывает все то, что находится ниже линии зрения. Впечатление динамики вызывается контрастным сопоставлением объектов, присутствующих в открытом пространстве (море) с объектами, находящимися в закрытом пространстве (комната). Важным оказывается также анимизация наблюдаемого объекта (фотообои).

И Павел стал созерцать все в одиночестве. Слева от него было море. Безбрежное, голубое, с белыми барашками и парусником на полпути между креслом и горизонтом. Пальма выростала из горика как раз в том месте, где должна быть уже суша. Павел перевел глаз правее. Фотообои не заканчивались в углу, они перегибались и вползали на соседнюю стену, ту, где было окно, и, если бы не рама, незаметно переходили бы в небо. Павел повернулся в другую сторону. Буфет он уже видел, осталось осмотреть только правую часть комнаты. Тут стена была покрыта коричневой тканью с тиснением в розы телесного цвета. Из стены торчало бра в виде какого-то зеленого цветка. Ниже красовался бар из бронзы (Стасюк 2005: 28).

Сцены, представленные в данном фрагменте, образуют одну общую картину. Систематический осмотр является результатом последовательного наблюдения за объектами, находящимися в перцептивном поле субъекта, что создает иллюзию динамики.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что во всех приведенных выше фрагментах перцептивный модус проявляется путем использования целой гаммы языковых средств: лексических, морфологических (семантика категории времени, вида и числа) и лексико-синтаксических (семантика синтаксиса). Он находит также отражение на коммуникативном уровне (семантика типов предложений). Воспринимающий субъект располагает лексическими и грамматическими средствами, с помощью которых он маркирует наблюдение определенной ситуации, хотя сам не обязательно выступает в качестве наблюдателя. Архитектоника текста обусловлена изменением его позиции и возможностью передвигаться в текстовом времени и пространстве. Воспринимающий субъект получает не только нужную ему информацию, но также лишнюю, поступающую по каналам ощущения независимо от его воли. Он сам же организует ее по принципу фигуры и фона. Лингвистическая сторона перцептивности связана с фигурой воспринимающего субъекта, его пространственно-временной локализацией и текстовой изобразительностью.

Перцептивные тексты дают информацию о каком-то фрагменте окружающей действительности. Однако цель и способ представления этой действительности может быть разным. Описываемая сцена может просто предстоять перед глазами, может быть воспоминанием; описание может быть адресовано как кому-то, кто сам наблюдает за данной сценой, как и кому-то, у кого нет такой возможности. Целью описания может быть сообщить о положении в пространстве отдельных объектов или вызывать соответствующее настроение. Такие функции находим в ряде других текстов, например, в сенсорной прозе Ивана Тургенева. Пространство, которое рисует перед нами писатель, насыщено деталями, но не упорядочено, в результате чего перед глазами читателя возникает спонтанное, но одновременно всестороннее и пронизательное описание объектов, доступных восприятию. Это описание анонсируется предикатом зрительно-го восприятия *увидеть*:

Я быстро отдернул занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом; спальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали ее течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом т равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы... (Тургенев, 1966: 108).

В вышеприведенном фрагменте наблюдательный пункт перцептора точно определен – им является холм над обрывом, с которого открывается вид на окружающее его пространство. На первом плане находим *огромную равнину, широкую реку, огибающую ее полукругом, два огонька, горящие красным пламенем*. Место наблюдения меняется только тогда, когда перцептор решает изменить свое положение, в результате чего у него появляется другая перспектива осмотра. Он уже замечает, что люди, которые *копошились возле огоньков* – это деревенские дети, видит и слышит собак, которых раньше не заметил; слышит детские голоса. По мере приближения к объектам наблюдения повышается степень детализации описания, объекты конкретизируются. Каждое движение наблюдателя вызывает кинетизацию описания, показывает окружающую действительность в отдельных кадрах – в ее изменчивости:

Быстрыми шагами прошел я длинную «площадь» кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой

церковью в отдалении, увидал совершенно другие, мне не известные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной возвышался чистый осинник (Тургенев 1966:106).

Описание пространства, окружающего перцептора, анонсируется предикатом зрительного восприятия. Зрительный акт предопределяет весь процесс восприятия, хотя нередко сопровождается ощущениями, поступающими по другим каналам. Помимо локализирующих синтаксем, здесь многочисленны прилагательные, определяющие воспринимаемые объекты. Они, как правило, содержат в себе элемент оценки (напр., *угрюмый, громадный, усталый*), ввиду чего квалификация описываемого пейзажа выходит за рамки пространственности. Следует также обратить внимание на глаголы цветообозначения типа *румянится, белеться, чернеть, пестреть*. Они, наподобие глаголов звукового восприятия, предназначены для функционирования в пределах изобразительного регистра речи. Помимо прочего, глаголы этой группы создают впечатление непосредственного наблюдения и пресупонируют зрительное восприятие.

5. Выводы

Как нам кажется, анализ даже небольшого языкового материала, представленного в настоящей статье, дает основания для выделения перцептивного типа текста. Феномен художественной перцептивности связан с описанием ряда ситуаций, которые доступны наблюдению. Оно же ведется перцептором с определенного наблюдательного пункта. Степень детальности в описании наблюдаемых объектов детерминирована расстоянием между ними и наблюдателем. Объект наблюдения может находиться в значительном расстоянии от наблюдателя или рядом с ним. В зависимости от воли наблюдателя наблюдательный пункт перемещается, отображая, напр., динамику описываемых событий. Помимо определенной лексики, принадлежащей к перцептивному модусу, признаком текстов данного типа является наличие локализаторов. Именно они имплицитно восприятие – если в данном фрагменте пространства появляется любой объект, то данный факт равнозначен тому, что его можно, увидеть, услышать, или до него дотронуться.

В анализируемых нами текстах мы нашли ряд лексем, которые однозначно можно отнести к перцептивному модусу. Кроме глаголов, лексикализирующих этот модус (напр. *видеть, виднеться, показаться, доноситься, раздаваться*), глаголов восприятия, соотносимых с соответствующими каналами восприятия (зрительным, слуховым, тактильным,

вкусовым, обонятельным), мы обнаружили здесь также глаголы, принадлежащие к другим лексико-семантическим группам, прилагательные (цветообозначения и другие), пространственные наречия и ряд других лексических средств.

Из этого следует, что лингвистическая сторона процесса восприятия связана с пространственно-временной локализацией объектов наблюдения, с фигурой наблюдателя, семантикой перцептивности и текстовой изобразительностью. Надо при этом учитывать, что отнесение к перцепции и попытка определить перцептивное пространство выходит далеко за пределы языкового анализа – в широкую сферу отношений между перцептором и окружающей его действительностью.

Литература

- Арутюнова, Н.Д. 1987. *Глагол «видеть» в функции предиката пропозиционального значения. В Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тез. докладов рабочего совещания АН СССР.* Москва: Наука.
- Бондарко, А.В. 2001. *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии.* Москва: Наука.
- Бондарко, А.В. 2002. *Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка.* Москва: Эдиториал УРСС.
- Дудинцев, В. 1988. *Белые одежды.* Москва. Русский язык.
- Золотова, Г.А. 1988. *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского языка.* Москва: Наука.
- Золотова, Г.А., Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова 2004. *Коммуникативная грамматика русского языка.* Москва: Наука.
- Lubocha-Kruglik, J. 2010 *Semantyczna kategoria percepcyjności i jej wykładniki w języku polskim i rosyjskim.* Katowice: Oficyna wydawnicza WW.
- Стасюк, А. 2005 *Девять*, Пер. М. Курганская. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Тургенев, И.С. *Записки охотника.* Москва. <https://ilibrary.ru/text/1204/index.html> (13.12.2019).